

АРИНА ВОЛЬСКАЯ

Он выбрал
не её.
Он выбрал
ошибку.

Я строю
не просто
дома.
Я строю
новую жизнь.

РАЗВОД ПО ПРОЕКТУ

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛА Я

Арина Вольская

**Развод по Проекту: Дом,
который построила Я!**

«Литнет»

2026

Вольская А.

Развод по Проекту: Дом, который построила Я! / А. Вольская —
«Литнет», 2026

«Ты была хорошим специалистом, Лида. Но времена изменились. Архитектуре нужны молодость, энергия и вдохновение». После двадцати пяти лет брака мой муж, знаменитый архитектор Виктор Сафронов, решил заменить меня двадцатисемилетней блогершей. Она станет его новой музой, новым лицом бюро и новой хозяйкой дома, который когда-то проектировали мы вместе. Мне же предложили квартиру, немного денег и красивую должность без права голоса. Нужно было только подписать отказ от доли в компании, от собственных проектов и от имени, которое двадцать пять лет пряталось за фамилией мужа. Виктор забыл одну мелочь. Пока он выходил к камерам, я исправляла его ошибки. Пока он обещал заказчикам невозможное, я находила способ это построить. А на самых важных чертежах стоит не только его подпись. Пусть забирает молодую музу. А я заберу то, что действительно принадлежит мне: свой талант, своё имя и право начать заново. Посмотрим, сколько продержится красивый фасад, когда из здания уйдёт фундамент.

© Вольская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина за стеклянным фасадом	5
Глава 2. Проект отклонён	15
Глава 3. Несущие стены	26
Глава 4. Когда уходит фундамент	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Женщина за стеклянным фасадом

К половине седьмого вечера Лидия Андреевна успела предотвратить три неприятности, каждая из которых в отдельности могла испортить церемонию, а вместе они неминуемо превратили бы её в небольшой профессиональный скандал.

Первая обнаружилась в машине, когда они уже выехали из офиса и медленно продвигались по Садовому кольцу. Виктор, сидевший рядом с водителем, просматривал на планшете свою речь, время от времени недовольно морщился и просил шофёра не тормозить так резко, словно вечерняя Москва могла раздвинуть перед ним пробки из уважения к будущему лауреату.

Лидия сидела сзади. На коленях у неё лежала тонкая папка с распечатанными тезисами, списком гостей, планом рассадки и последней версией презентации. Она открыла файл не для проверки — проверять там было уже нечего, — а скорее по многолетней привычке ещё раз посмотреть на то, что должно было через час появиться на большом экране перед четырьмя сотнями архитекторов, девелоперов, журналистов и чиновников.

На двадцать седьмом слайде она заметила, что модель нового музейного корпуса была отражена по горизонтали.

Ошибка казалась мелкой. Люди, не знакомые с проектом, ничего бы не поняли. Но главный вход в таком виде оказывался обращён не к площади, а к служебному проезду, и любой специалист из числа присутствующих увидел бы это с первого взгляда. Особенно те, кто уже два месяца уверял, что Сафронов продаёт заказчикам эффектные картинки, не имеющие отношения к реальному строительству.

— Останови презентацию, — сказала Лидия.

Виктор не сразу понял, что она обращается к нему. Он продолжал смотреть на экран, затем медленно обернулся.

— Что?

— Двадцать седьмой слайд. Рендер отзеркален.

Он несколько секунд изучал изображение, как будто надеялся, что оно исправится от одного его взгляда.

— Это финальная версия?

— Та, которую Алиса отправила организаторам в пять часов двенадцать минут.

Виктор раздражённо выдохнул и провёл ладонью по галстуку.

— Господи. Ну что там ещё можно было перепутать?

— Сейчас узнаем.

Лидия позвонила техническому директору церемонии, представилась, назвала номер слайда и попросила заменить файл. Тот сначала сказал, что презентация уже загружена в систему и перезапуск потребует согласования. Лидия не повысила голоса. Она только напонила, что на экране будет показан объект, участвующий в федеральном конкурсе, и что демонстрация некорректного изображения может повлечь официальный запрос от заказчика. Через две минуты технический директор уже уверял, что всё будет исправлено.

Виктор слушал разговор, не вмешиваясь. Когда Лидия убрала телефон, он сказал:

— Ты иногда умеешь сделать из мухи уголовное дело.

— Только когда муха стоит восемь миллиардов.

Он усмехнулся, но не ответил. В этой усмешке ещё сохранялось то прежнее, почти юношеское очарование, за которое она когда-то его полюбила: смесь самоуверенности, таланта и лёгкого презрения к препятствиям. Виктор всегда смотрел на мир как на черновик, который можно переписать, если первая версия оказалась неудачной. Лидия же знала, что не всякую стену можно передвинуть после того, как на неё легли перекрытия.

Вторая неприятность ждала их в гостинице.

Едва они вошли в зал для приёма гостей, как к ним направился Павел Михайлович Левицкий — председатель совета директоров компании, заказавшей «Сафронову и партнёрам» новый деловой центр. Он был невысок, широкоплеч и уже по походке выдавал человека, пришедшего не поздравлять.

— Виктор Павлович, — произнёс он, не подав руки. — У вас найдётся минута?

Виктор на мгновение замедлил шаг.

— Для вас — всегда, Павел Михайлович.

— Тогда объясните, почему я сегодня узнал от подрядчика, что ввод объекта переносится ещё на три недели.

Лидия увидела, как лицо мужа едва заметно изменилось. Он о задержке не знал. Утром она оставила ему сообщение, но Виктор был на съёмке, затем на репетиции церемонии, а после, вероятно, решил, что всё важное можно обсудить завтра.

— Там вопрос не в трёх неделях, — сказала Лидия прежде, чем он успел ответить. — Подрядчик пытается включить в общий срок время, которое сам потерял из-за замены поставщика. Мы это не приняли.

Левицкий перевёл взгляд на неё.

— Тогда почему в письме стоит новая дата?

— Потому что письмо составлял их коммерческий директор, а не наш технический координатор. В девять утра завтра вы получите календарь с разделением ответственности. Если подрядчик не вернётся к согласованному графику, штраф будет начислен ему, а не вам.

— Вы уверены?

— Я никогда не говорю о сроках, если не уверена.

Павел Михайлович смотрел на неё ещё секунду, после чего наконец протянул руку Виктору.

— Хорошо. Завтра в девять.

— В восемь сорок пять, — уточнила Лидия. — Чтобы у вас было время просмотреть документы до совещания.

Левицкий кивнул, и его суровое лицо немного смягчилось.

— Вот поэтому я и работаю с вами, Лидия Андреевна.

Он отошёл, оставив после себя запах дорогого табака и ощущение только что предотвращённой грозы.

Виктор проводил его взглядом.

— Могла бы предупредить.

— Я предупреждала.

— Я был занят.

— Я знаю.

Он хотел что-то сказать, но к ним уже спешила Алиса Громова — тонкая, светловолосая, в чёрном платье с открытыми плечами. Ей было двадцать семь, и она обладала тем особым видом свежести, который создаётся не только молодостью, но и уверенностью, что весь зал существует ради того, чтобы её заметили.

— Всё готово, — сказала Алиса, обращаясь к Виктору. — Через пятнадцать минут вас пригласят за кулисы. Телевизионщики просят короткий комментарий до начала.

Лидию она будто не увидела.

Виктор посмотрел на часы.

— Сейчас подойду.

— И ещё, — продолжила Алиса, понизив голос, хотя вокруг было достаточно шумно. — Я убрала из речи кусок про реконструкцию библиотеки. Он слишком технический. Оставила только про новый язык городской среды.

Лидия медленно повернула голову.

— Ты изменила речь после утверждения?

Алиса взглянула на неё с лёгким удивлением, как человек, которого неожиданно попросили отчитаться о собственных действиях.

— Совсем немного. Там было слишком много деталей.

— В библиотеке погибла часть кладки XVIII века. Мы сохранили фасад без демонтажа. Именно за это решение проект включили в шорт-лист.

— Я понимаю, — сказала Алиса с улыбкой, — но зрителю важна эмоция.

— Профессиональной премии важна работа.

Виктор поднял ладонь, словно разводил двух спорящих сотрудников.

— Лида, не начинай. Алиса отвечает за коммуникации.

— А я отвечаю за проект, о котором ты будешь говорить.

— Именно поэтому ты и не должна думать о том, как его продавать.

Слова прозвучали буднично, почти без раздражения. Оттого они задели сильнее, чем могли бы задеть при ссоре.

Лидия посмотрела на мужа. Он уже отвёл взгляд и снова проверял время. Перед церемонией Виктор всегда становился особенно собранным и нетерпеливым. Любое замечание казалось ему попыткой отнять энергию, необходимую для выхода на сцену.

Она не стала спорить.

— Покажи мне новую версию, — сказала Лидия Алисе.

Та протянула телефон. Лидия прочитала текст. Абзац о библиотеке был удалён полностью, а вместо него появилось предложение о том, что архитектура обязана «ломать границы привычного и бесстрашно вторгаться в будущее».

— Виктор, — сказала она, — если тебя спросят, за что именно награждён проект, ты ответишь про сохранение несущего контура и восстановление исторической кладки. Формулировка есть в старой версии.

— Я помню.

— Нет, не помнишь. Ты не был на обследовании западной стены.

Он посмотрел на неё уже без улыбки.

— Лидия, мне сорок минут рассказывать комиссии про кирпичи?

— Тебе нужно две фразы.

Она произнесла их медленно. Виктор повторил почти слово в слово и кивнул.

— Отлично, — сказала Алиса. — Теперь можно идти?

Лидия вернула ей телефон.

— Теперь можно.

Алиса взяла Виктора под локоть. Жест был естественным, почти деловым, но её пальцы задержались на ткани его пиджака чуть дольше, чем требовалось. Лидия заметила это и тут же отвела взгляд.

Она не любила подозрений. Подозрение казалось ей разновидностью профессиональной лени: вместо фактов человек строит догадки, а потом начинает жить внутри них. В браке она придерживалась того же правила. Если Виктор задерживался, значит, задержался. Если не отвечал, значит, был занят. Если возвращался в два часа ночи после ужина с заказчиками и пах чужими духами, это ещё ничего не доказывало.

Двадцать пять лет совместной жизни давали достаточно материала для ревности, обиды и недоверия. Но Лидия предпочитала то, что можно измерить.

Третья неприятность обнаружилась за семь минут до выхода Виктора на сцену.

В папке номинантов отсутствовало приложение к конкурсным материалам — то самое, где была указана Лидия как главный архитектор проекта. В основной форме стояло только название бюро и фамилия Виктора.

Она нашла секретаря оргкомитета в коридоре за сценой. Девушка в гарнитуре сначала уверяла, что приложение не требуется для церемонии, потом сослалась на регламент, а затем сказала, что любые изменения после начала мероприятия невозможны.

Лидия попросила показать утверждённый пакет документов.

— У нас сейчас нет времени, — раздражённо ответила секретарь.

— У вас его станет ещё меньше, если завтра комиссия получит официальный запрос о несоответствии конкурсной заявки авторскому составу.

— Но на экране всё равно будет только Виктор Павлович.

— Я не прошу выводить моё имя на экран. Я прошу вернуть документ в папку.

Секретарь внимательно посмотрела на неё, словно впервые поняла, с кем разговаривает.

— Вы Лидия Сафронова?

— Да.

— Я думала, вы...

Она не договорила.

— Что?

— Ничего. Сейчас проверю.

Через две минуты приложение нашлось в стопке неподписанных листов. Его вложили в папку. Формально всё было исправлено.

Лидия вышла в зал, когда погас общий свет и на сцене уже звучала музыка. Она заняла место в первом ряду рядом с представителями бюро. Справа от неё сидел главный инженер Николай Евгеньевич, слева оставили свободное кресло для Виктора.

Алиса устроилась через проход, хотя по плану должна была сидеть в пятом ряду с пресс-службой. На ней было платье, слишком вечернее для профессиональной церемонии и слишком хорошо выбранное, чтобы это можно было назвать случайностью.

На экране один за другим возникали проекты номинантов. Музеи, жилые кварталы, школы, общественные пространства. За каждым зданием стояли годы работы, бесконечные согласования, споры, ошибки, переделки и люди, имена которых никогда не появятся в газетах. Лидия всегда любила такие вечера не за блеск и речи, а за редкую возможность увидеть отрасль целиком — без пыли, крика подрядчиков и страха перед очередным актом проверки.

Когда объявили «Сафронов и партнёры», зал зааплодировал.

На экране возникла восстановленная библиотека: светлый фасад, высокие окна, старые колонны, за которыми сиял новый стеклянный объём. Потом показали внутренний двор и читальный зал. Двадцать седьмой слайд появился правильно. Главный вход смотрел на площадь.

Лидия почувствовала краткое, почти детское облегчение.

Виктор вышел на сцену.

Он умел стоять перед публикой. Не просто держаться — стоять так, будто между ним и сотнями людей устанавливалось особое пространство, где действовали только его голос и его воля. Высокий, подтянутый, с благородной сединой у висков, он выглядел человеком, которому естественно доверять города, деньги и будущее.

Председатель жюри произнёс несколько слов о соединении исторического наследия с современной архитектурой. Виктор получил тяжёлую стеклянную статуэтку, пожал руки членам комиссии и приблизился к микрофону.

— Архитектор редко работает один, — начал он. — Хотя, признаюсь, иногда ему очень хочется в это верить.

В зале засмеялись.

Лидия опустила взгляд. Первую фразу они придумали вместе. Давно, ещё для другой церемонии.

— За каждым проектом стоит команда, — продолжал Виктор. — Люди, которые спорят, сомневаются, заставляют тебя искать решения, когда кажется, что решение уже найдено. Я благодарен коллегам, инженерам, реставраторам и заказчику, который поверил в нас.

Он говорил легко, не заглядывая в текст. Потом упомянул историческую кладку именно теми словами, которые дала ему Лидия. Всё было безупречно.

Она уже знала, в какой момент он назовёт её имя. Виктор всегда делал это ближе к концу, после команды и партнёров, чтобы благодарность жене выглядела личной, почти интимной.

Он чуть повернулся к залу.

— И сегодня я особенно хочу поблагодарить человека, без которого наша архитектура, возможно, так и осталась бы правильной, надёжной и... слишком осторожной.

В зале снова засмеялись.

Лидия подняла голову.

— Человека, который заставил меня вспомнить, что архитектура — это не только расчёт, но и смелость. Не только опыт, но и молодость. Не только ответственность, но и вдохновение.

Виктор посмотрел не на неё.

Он смотрел через проход.

— Алиса Громова, поднимитесь, пожалуйста.

На несколько секунд в зале стало так тихо, что Лидия услышала, как Николай Евгеньевич рядом задержал дыхание.

Алиса встала. Она изобразила удивление, но слишком быстро поправила волосы и слишком уверенно шагнула к сцене. Свет поймал её лицо, открытые плечи, блеск серёг.

— Алиса всего несколько месяцев с нами, — продолжал Виктор, — но именно она вернула нашему бюро молодость, дерзость и желание смотреть вперёд. Иногда новый взгляд важнее многих лет привычки.

Лидия сидела неподвижно.

Она не сразу почувствовала боль. Сначала пришло профессиональное недоумение — холодное, ясное, почти смешное. Алиса не имела отношения к проекту библиотеки. Она пришла в компанию, когда здание уже было введено в эксплуатацию. Максимум, что она сделала, — организовала фотосъёмку фасада на рассвете и заменила логотип на презентации.

Но зал не знал этого.

Зал видел молодую красивую женщину, которая поднялась на сцену к известному архитектору. Видел его руку, коснувшуюся её талии. Видел взгляд, которым они обменялись.

Лидия вдруг поняла, что это не ошибка.

Не неудачная импровизация, не попытка польстить новому директору по коммуникациям, не глупость, совершённая в волнении. Всё было подготовлено. Алиса знала, что её вызовут. Оператор знал, куда направить камеру. В речи уже была оставлена нужная пауза.

На большом экране появилось их лицо — Виктора и Алисы.

Он что-то сказал о будущем бюро. Лидия не расслышала.

Аплодисменты накрыли зал.

Николай Евгеньевич склонился к ней.

— Лидия Андреевна...

— Не надо, — тихо произнесла она.

— Но это...

— Я сказала: не надо.

Она не хотела сочувствия. Особенно здесь, под светом камер, среди людей, которые всю жизнь изучали чужие фасады и прекрасно умели замечать трещины.

Когда Виктор вернулся на место, он сел рядом, положил статуэтку на колени и наклонился к ней.

— Всё прошло отлично, — прошептал он.

Лидия посмотрела на сцену.

— Да.

— Левицкий доволен?

— Завтра в восемь сорок пять он ждёт документы.

— Хорошо.

Виктор не спросил, почему она молчит. Возможно, решил, что она обиделась на отсутствие благодарности и что эту мелкую женскую слабость можно будет позднее погасить цветами, ужином или объяснением про необходимость обновления бренда.

После церемонии начался приём.

Люди подходили к Виктору, поздравляли, просили фотографии, говорили о будущем российской архитектуры. Лидия стояла рядом первые двадцать минут, отвечала на технические вопросы и представляла тех, чьи имена муж забывал. Потом ей стало трудно дышать в зале, где пахло шампанским, парфюмом и горячими осветительными приборами.

Она вышла в коридор.

Гостиница была огромной, с зеркальными стенами и тяжёлыми коврами, поглощавшими шаги. За конференц-залами начиналась закрытая часть этажа — служебные помещения, гардероб для артистов, технические комнаты и небольшая гостиная для лауреатов.

Лидия шла туда не за Виктором. Она вспомнила, что оставила в гримёрной папку с оригиналами конкурсных документов. В другой вечер их мог бы забрать помощник. Но сегодня она не хотела просить никого.

За поворотом коридора горел только один настенный светильник. Дальше была дверь с табличкой «Служебный вход».

Лидия услышала голос Алисы.

— Ты видел её лицо?

Виктор ответил не сразу.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я просто спросила.

— Она переживёт.

— Ты уверен?

— Лидия переживает всё. Это её главное достоинство.

Алиса тихо засмеялась.

Лидия остановилась.

Между ней и дверью было не больше десяти шагов. Она могла развернуться, пройти обратно в зал и сохранить ту последнюю неопределённость, которая иногда милосерднее правды.

Но она пошла дальше.

Дверь была приоткрыта.

В небольшой гостиной стояли диван, два кресла и стол с бутылками воды. Виктор держал Алису за талию. Она обнимала его за шею. Их поцелуй не был ни торопливым, ни случайным. Так целуются люди, которым не нужно знакомиться с чужим телом.

Первой Лидию увидела Алиса.

Она отстранилась, но не отступила. Только медленно опустила руки.

Виктор обернулся.

В течение нескольких секунд никто не говорил. Даже теперь, когда всё стало очевидным, Лидия отмечала детали: на воротнике мужа остался след помады; Алиса стояла босиком, сняв туфли; на столе лежал телефон Виктора и ключ-карта от гостиничного номера.

— Я пришла за папкой, — сказала Лидия.

Голос прозвучал спокойно. Почти буднично.

Виктор провёл ладонью по лицу.

— Лида...

— Где документы?

Алиса указала на кресло.

— Кажется, там.

Лидия подошла, взяла папку и проверила, всё ли на месте. Руки её не дрожали. Она перелистнула несколько страниц, закрыла замок и только после этого посмотрела на мужа.

— Давно?

Виктор вздохнул.

— Мы всё равно должны были поговорить.

— Это не ответ.

— Несколько месяцев.

Алиса отвернулась к окну, словно разговор перестал её касаться. В отражении стекла виднелось её лицо — молодое, напряжённое и странно упрямое.

— Сколько именно? — спросила Лидия.

— Какая теперь разница?

— Для тебя, возможно, никакой. Для меня пока есть.

Он посмотрел на неё с раздражением, которого не сумел скрыть.

— С осени.

Полгода.

Лидия кивнула.

Осенью Виктор ездил в Петербург на архитектурный форум. Она сама собирала ему документы и меняла билет, чтобы он мог остаться на два дня дольше. Алиса тогда ещё не работала в бюро официально. Её представляли как консультанта по обновлению бренда.

— Значит, должность директора по коммуникациям была частью договорённости?

— Не говори глупостей, — резко произнёс Виктор. — Алиса получила должность, потому что умеет работать.

— Надеюсь.

— Что это значит?

— Тебе теперь особенно важно, чтобы она умела.

Он отступил на шаг.

— Вот видишь. Мы даже сейчас разговариваем как на совещании.

Лидия посмотрела на него внимательнее. За раздражением в его голосе не было ни страха, ни стыда. Только усталость человека, которого вынудили раньше времени объяснить уже принятое решение.

— А как мы должны разговаривать? — спросила она.

— Как муж и жена.

— Муж и жена обычно не проводят этот разговор втроём.

Алиса взяла туфли.

— Я уйду.

— Останься, — сказал Виктор.

Лидия впервые за весь вечер почувствовала не боль, а что-то похожее на холодное изумление.

— Нет, — произнесла она. — Пусть останется. Ты ведь именно этого хотел, когда вывел её на сцену.

Виктор отвернулся.

— Я хотел перестать скрываться.

— От кого? От меня или от коллег?

— От всех.

— И решил, что лучший момент — получение премии за проект, к которому она не имеет отношения?

— Дело не в премии.

— Тогда зачем ты это сделал?

Он долго молчал. Потом подошёл к окну и посмотрел на ночной город.

— Потому что наша жизнь закончилась раньше, чем мы это признали.

Эта фраза была слишком гладкой. Вероятно, он уже произносил её — Алисе, друзьям, самому себе.

— Когда именно она закончилась? — спросила Лидия. — До того, как я исправила твою презентацию, или после того, как спасла тебя от скандала с Левицким?

— Ты опять говоришь о работе.

— Потому что ты выбрал для разговора рабочий вечер.

— У нас все вечера рабочие, Лида. Все завтраки, отпуска, поездки. Мы двадцать пять лет живём в офисе.

— Это я привела Алису в нашу спальню?

Виктор поморщился.

— Не надо пошлости.

— Пошлость началась не с вопроса.

Алиса сжала туфли в руке.

— Я всё-таки уйду.

На этот раз Виктор не остановил её. Она прошла мимо Лидии, оставив после себя запах лёгких сладковатых духов. У двери замедлилась, словно хотела что-то сказать, но передумала.

Когда они остались вдвоём, Виктор налил воды и выпил половину стакана.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

— А как ты хотел?

— Спокойно. Дома.

— После церемонии?

— Да.

— Значит, речь была не случайностью.

— Нет.

Он ответил честно, и эта честность оказалась страшнее любого оправдания.

Лидия прижала папку к груди.

— Ты готовил это заранее.

— Я готовил разговор.

— И документы?

Виктор посмотрел на неё.

Этого мгновения было достаточно.

— Понятно, — сказала Лидия.

— Мы обсудим всё дома.

— Нет. Обсуждать сегодня нечего.

— Лида, не устраивай спектакль.

Она оглядела пустую гостиную.

— Зрителей нет, Виктор. Спектакль ты устроил в зале.

Он шагнул к ней.

— Наш брак давно превратился в производственное совещание. Ты сама этого не замечаешь. Мы говорим только о сроках, экспертизах, подписях и подрядчиках. Я не помню, когда ты последний раз смотрела на меня не как на генерального директора.

— А ты помнишь?

Он не ответил.

— Вот именно, — продолжил Виктор. — Мы стали функциями. Ты — человек, который исправляет. Я — человек, который должен всё время соответствовать.

— И Алиса освободила тебя от необходимости соответствовать?

— Она напомнила мне, что можно жить иначе.

Лидия почувствовала, как что-то внутри неё медленно отделяется от боли и становится ясностью.

— Молодость, смелость и вдохновение?

Он снова поморщился.

— Не передёргивай.

— Я цитирую тебя.

— Нам обоим нужна другая жизнь.

— Нет, Виктор. Другая жизнь нужна тебе. Мне ты пока предложил только освободить место.

Он хотел возразить, но она уже направилась к двери.

— Я вызову машину, — сказал Виктор.

— Не надо.

— Мы приехали вместе.

— Уедем отдельно.

На улице шёл мелкий дождь. Стекланный фасад гостиницы отражал свет фар, рекламные экраны и людей, выходявших после церемонии. Лидия стояла под козырьком, пока швейцар вызывал ей такси.

Несколько гостей узнали её и помахали издалека. Она ответила. Никто не подошёл.

В машине Лидия положила папку рядом и впервые за вечер осталась без дела. Не нужно было никому звонить, ничего проверять, исправлять или согласовывать. Водитель спросил адрес, и она назвала дом.

Город плыл за мокрым стеклом. За окнами один за другим возникали здания, к которым она имела отношение: бизнес-центр с медными панелями, жилой комплекс у набережной, библиотека, старый завод, превращённый в выставочное пространство. На открытии каждого объекта Виктор стоял перед камерами. Лидия обычно оставалась рядом с инженерами.

Ей никогда не казалось это несправедливым.

Так было удобнее. Виктор говорил, она работала. Он умел убеждать, она умела строить. Их различие казалось неравенством только посторонним. Для неё оно было разделением обязанностей.

Теперь Лидия впервые подумала, что за двадцать пять лет это разделение стало слишком похожим на исчезновение.

Дом встретил её тишиной.

Они жили в большой квартире на последнем этаже здания, которое Виктор называл своим первым настоящим успехом. В действительности проект начинала Лидия. Именно она предложила убрать две внутренние опоры и перенести нагрузку на внешний каркас, благодаря чему квартиры получили широкие окна и свободные планировки.

В прихожей горел свет.

На консольном столике лежала кожаная папка, которой утром не было.

Лидия сняла пальто, поставила сумку и несколько секунд смотрела на папку, не прикасаясь к ней. Потом прошла на кухню, налила воды и выпила медленно, стоя у окна.

С высоты двадцать второго этажа город казался правильным. Световые линии улиц сходились, машины двигались по заданным направлениям, окна домов образовывали строгий ритм. Отсюда невозможно было увидеть трещины в штукатурке, лужи у подъездов и людей, которые плакали в тёмных кухнях.

Лидия вернулась в прихожую и открыла папку.

Первым лежало заявление о расторжении брака. Данные были заполнены. Не хватало только её подписи.

Следом шёл проект соглашения о разделе имущества. Квартира оставалась ей. Загородный дом — Виктору. Совместные счета делились в пропорции, которая на первый взгляд казалась почти справедливой.

Лидия перелистнула страницу.

Дальше начинался договор купли-продажи доли в обществе с ограниченной ответственностью «Сафронов и партнёры».

Продавец — Сафронова Лидия Андреевна.

Покупатель — Сафронов Виктор Павлович.

Размер отчуждаемой доли — сорок процентов уставного капитала.

Цена была указана внизу страницы.

Лидия прочитала цифру один раз. Потом ещё раз.

Она была меньше стоимости одной квартиры в их последнем жилом комплексе.

На следующем листе находилось обязательство не заниматься архитектурной и проектной деятельностью в Москве и Московской области в течение трёх лет. Ещё дальше — отказ от самостоятельного использования материалов, созданных во время работы в компании.

Подготовлено всё было тщательно. С номерами приложений, ссылками на устав, местами для нотариального удостоверения.

На последней странице стояла дата.

Три недели назад.

Лидия медленно опустилась на стул.

Не измена. Не поцелуй. Не Алиса на сцене.

Вот что было главным.

Пока она исправляла его проекты, отвечала заказчикам и готовила церемонию, Виктор уже считал, сколько будет стоить удалить её из собственной жизни.

На столе лежал не развод.

На столе лежал проект её исчезновения.

Глава 2. Проект отклонён

Виктор вернулся около полуночи.

Лидия услышала, как в прихожей повернулся ключ, потом тихо закрылась дверь и несколько секунд стояла та особенная тишина, которая бывает лишь между людьми, вынужденными войти в одну комнату после того, как прежний порядок их жизни уже разрушен, а новый ещё не установлен.

Она не убрала документы со стола.

Папка лежала раскрытой. Рядом стояли стакан воды, её телефон и маленькая записная книжка в тёмно-синей обложке. В эту книжку Лидия много лет записывала то, что нельзя было доверить электронной почте: суммы, фамилии, сроки, договорённости, сделанные на ходу. Теперь на чистой странице находилось несколько коротких строк.

Дата подготовки соглашения.

Стоимость доли.

Срок запрета на работу.

Пункт об авторских правах.

Номер юридической компании, указанной внизу документа.

Она не выписывала слова «развод» и «Алиса». В этом не было нужды. Такие вещи не забываются.

Виктор вошёл на кухню без пиджака. Галстук он снял, верхнюю пуговицу рубашки расстегнул. Стекланную статуэтку держал в руке, как неудобную ношу, которой пока не нашлось места.

— Ты не спишь, — сказал он.

Это прозвучало не вопросом.

— Как видишь.

Он поставил награду на край стола. Свет кухонной лампы прошёл через стекло и лёг на бумаги искривлённым прямоугольником.

Лидия посмотрела на статуэтку.

— Осторожнее. Упадёт.

Виктор переставил её ближе к стене.

— Я думал, ты ляжешь.

— Я тоже.

Он сел напротив, не снимая часов, и провёл ладонью по лицу. Усталость делала его старше. В течение многих лет Лидия умела по малейшим признакам определять его состояние: напряжение перед переговорами, раздражение после неудачного интервью, пустоту, наступавшую после публичного успеха. Раньше это знание вызывало в ней почти нежность. Теперь оно казалось ненужным профессиональным навыком, которому она посвятила слишком много времени.

Виктор заметил раскрытую папку.

— Ты посмотрела?

— Да.

— Тогда, наверное, понимаешь, что я не собираюсь оставлять тебя без ничего.

Лидия подняла глаза.

Он действительно считал это хорошим началом.

— Я пока понимаю только то, что документы подготовлены три недели назад.

Виктор не отвёл взгляда, но чуть изменил положение рук. Он соединил пальцы, как делал на сложных совещаниях, когда хотел выглядеть спокойнее собеседника.

— Я должен был продумать возможные варианты.

— До разговора со мной.

— А как иначе? Пригласить тебя к юристам и попросить подождать в коридоре, пока они будут составлять соглашение?

— Можно было начать с того, что сообщить жене о намерении развестись.

— Я собирался.

— После того как вывел любовницу на сцену?

— Не называй Алису любовницей.

Лидия несколько секунд молчала.

— А кем мне её называть?

Виктор раздражённо посмотрел в сторону окна.

— Это слово всё упрощает. Делает происходящее пошлым.

— Происходящее не становится благороднее от правильного существительного.

Он усмехнулся без удовольствия.

— Вот за это с тобой невозможно разговаривать.

— За точность?

— За привычку превращать любую человеческую ситуацию в протокол.

— Протокол уже подготовил ты.

Она коснулась пальцем края договора.

Виктор посмотрел на бумаги, и на его лице впервые мелькнула неуверенность. Вероятно, весь вечер он представлял этот разговор иначе. Лидия должна была плакать, требовать объяснений, спрашивать, любит ли он Алису. Тогда он мог бы говорить о чувствах, усталости, новой жизни и честности перед собой. В области чувств Виктор всегда имел преимущество: там не существовало чертежей, экспертиз и измеримых нагрузок.

Но Лидия не спрашивала, кого он любит.

Она читала договор.

— Квартиру я оставляю тебе, — сказал он после паузы. — Полностью. Без раздела и без компенсации с твоей стороны.

— Квартира приобретена в браке.

— Именно поэтому я мог бы требовать половину.

— Как и я половину загородного дома.

— Дом нужен мне для встреч и приёмов.

— А квартира, следовательно, нужна мне для проживания?

Он пропустил иронию.

— Я не хочу, чтобы ты после двадцати пяти лет брака оказалась в худших условиях.

Кроме квартиры, ты получишь деньги. Сумма указана в соглашении.

— Я видела.

— Это серьёзная сумма.

— Для чего?

— Что значит — для чего?

— Для человека, который больше не должен работать в Москве и области три года? Для специалиста, который отказывается от права показывать собственные проекты? Для совладелицы компании, продающей сорок процентов дешевле стоимости одного объекта недвижимости?

Виктор откинулся на спинку стула.

— Ты сравниваешь несравнимое.

— Тогда сравни сам.

— Рыночная стоимость доли не равна стоимости активов. У компании есть обязательства, текущие кредиты, зарплаты, незавершённые проекты.

— И контракты.

— Контракты могут быть расторгнуты.

— И репутация.

— Репутация не продаётся по частям.

Лидия посмотрела на него внимательнее.

— Вот мы и подошли к главному.

— К чему?

— Ты считаешь, что репутация бюро принадлежит тебе.

— Она связана с моим именем. Это факт.

— Название действительно твоё.

— Не только название. Клиенты приходят к Сафронову.

— А остаются после переговоров с кем?

Виктор нахмурился.

— Не начинай считать, кто сколько раз сидел на совещаниях.

— Я не считаю совещания. Я пытаюсь понять, на основании чего ты оценил мою долю.

— На основании реального положения вещей.

— Какого именно?

Он встал, прошёл к шкафу и достал бутылку минеральной воды. В каждом его движении чувствовалось желание вернуть себе привычную высоту, выйти из положения человека, которому задают неудобные вопросы. Стоя, он всегда казался убедительнее.

— Лида, давай без демонстративной наивности. Ты прекрасно знаешь, как устроен рынок. Есть архитекторы, которых приглашают ради имени, и есть специалисты, которые обеспечивают реализацию. Оба типа нужны. Но стоят они по-разному.

— И к какому типу ты относишь меня?

— Ты сильнейший технический и организационный специалист из всех, кого я знаю.

Слова были произнесены как похвала.

Лидия закрыла папку.

— Я не технический специалист.

— Не цепляйся к формулировке.

— Я главный архитектор одиннадцати действующих проектов. На семи из них моё имя указано в официальной документации. Я разрабатывала концепции, принимала объёмно-планировочные решения и руководила авторским надзором. Это не техническая функция.

— Никто не отрицает твоего вклада.

— В соглашении я отказываюсь от права его упоминать.

— Не от права упоминать. От отдельных претензий на использование материалов компании.

— Там сказано: «Сторона обязуется не заявлять самостоятельного авторства в отношении проектов, разработанных в период трудовых отношений».

— Это стандартная формулировка.

— Нет. Это формулировка, которая позволит вам представить дело так, будто я двадцать пять лет выполняла служебные поручения.

Виктор вздохнул.

— Лида, каждый проект создаётся бюро. Не тобой, не мной, не конкретным инженером. Бюро.

— Тогда почему награды получаешь ты?

— Потому что кто-то должен представлять компанию.

— А права на материалы после моего ухода получает компания, которой владеешь ты.

— Шестьдесят процентов — не сто.

— Пока.

Он посмотрел на неё. Наконец в разговоре возникло настоящее напряжение, лишённое супружеской обиды и прикрытий.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Я читаю предложенную конструкцию. Сначала я продаю тебе долю. Затем отказываюсь от самостоятельного использования собственных работ. После этого три года не имею права сотрудничать с заказчиками, с которыми работала четверть века. Взамен получаю квартиру, половина которой и так принадлежит мне, и компенсацию, назначенную твоими юристами.

— Я предложил тебе должность консультанта.

— Внештатного.

— С достойным вознаграждением.

— Размер которого определяет генеральный директор.

— Мы можем зафиксировать сумму.

— И круг обязанностей?

— Разумеется.

— А право принимать решения?

Виктор помолчал.

— Консультант не управляет компанией.

— Следовательно, мне предлагается отвечать на вопросы, когда вы столкнётесь с проблемой, но не вмешиваться до того, как вы её создадите.

— Тебе предлагается сохранить статус и доход.

— Без должности, доли, авторства и возможности уйти к другому работодателю.

— Ты всё намеренно изображаешь в худшем свете.

— Я просто убираю декоративную отделку.

Он резко поставил бутылку на стол. Вода ударилась о стекло, и статуэтка слегка дрогнула.

— Хорошо. Давай прямо. Чего ты ждала? Что я отдам тебе половину компании, которую создал?

— Мы создали её вместе.

— Идея была моя.

— На момент регистрации у нас было два сотрудника, один компьютер и долг за аренду.

— Бренд был мой.

— Твоей фамилией называлась фирма, потому что ты настоял на этом.

— Потому что понимал, как строится публичность.

— А я понимала, как строятся здания.

Виктор отвернулся. За окном тускло светились соседние башни, и его отражение накладывалось на город — тёмный силуэт в белой рубашке среди множества огней.

— Ты всегда была рядом, — сказал он уже тише. — Я этого не отрицаю. Но рядом — не значит вместо.

— Я не говорю, что работала вместо тебя.

— Именно это ты сейчас пытаешься доказать.

— Нет. Я пытаюсь не позволить тебе доказать, что меня не было.

Он обернулся.

— Тебе никто не запрещает говорить о своей работе.

— Пока это не станет мешать новой версии истории.

— Какой ещё версии?

— Той, в которой Виктор Сафронов создал бюро, потом понял, что жена устарела, и передал будущее молодой команде.

— Алиса здесь ни при чём.

— Алиса уже на сцене.

— Она занимается продвижением.

— Она получила публичную благодарность за проект, завершённый до её прихода.

Виктор устало провёл рукой по волосам.

— Ты всё сводишь к одной речи.

— Нет. Речь просто оказалась первой презентацией нового порядка.

Он не ответил.

Лидия открыла папку снова и перелистнула несколько страниц. Теперь, когда Виктор находился напротив, текст выглядел ещё выразительнее. Каждый пункт был составлен так, чтобы казаться отдельной уступкой. Вместе они образовывали систему, в которой она лишалась не только собственности, но и профессионального прошлого.

— Кто это готовил? — спросила она.

— Юридическая компания.

— Какая именно, я вижу. Кто поставил задачу?

— Я.

— Один?

— Не понимаю вопроса.

— Алиса участвовала?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

Лидия отметила это, но не стала продолжать. Вмешательство Алисы в юридические документы было неприятным, однако не имело значения. Даже если молодая женщина не знала ни об одном пункте, Виктор знал всё.

— Почему три года? — спросила Лидия.

— Чтобы не возникло конфликта интересов.

— После продажи доли у меня не будет интересов в компании.

— У тебя останутся связи.

— Это называется профессиональная репутация.

— Ты можешь использовать её за пределами региона.

Лидия невольно улыбнулась.

— Ты предлагаешь мне в сорок семь лет переехать в другой город, потому что здесь находятся заказчики, с которыми я работала?

— Я предлагаю время на переходный период.

— Для кого?

— Для компании.

— Не для меня.

Виктор сел обратно.

— Развод всегда требует компромиссов.

— Компромисс предполагает уступки обеих сторон.

— Я отдаю тебе квартиру.

— Ты оставляешь мне мою половину квартиры и передаёшь свою в счёт стоимости доли, которую оцениваешь в несколько раз ниже рынка.

— Мы можем обсудить цифры.

— После независимой оценки.

Он замер.

Это было первое условие, которое Лидия сформулировала не как вопрос.

— Независимая оценка займёт месяцы, — сказал Виктор.

— Значит, займёт месяцы.

— У компании сейчас важный период.

— Именно поэтому ты назначил собрание на завтра?

Виктор медленно посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

— В приложении к соглашению есть проект решения участников.

Он, вероятно, забыл об этом листе. Или счёл, что она не станет читать приложения ночью после измены.

— Это формальность, — сказал он.

— Какая?

— Перераспределение управленческих функций.

— Моё отстранение?

— Не называй это так.

— А как?

— Освобождение от оперативной нагрузки на время урегулирования личной ситуации.

— Красиво.

— Это разумно. Мы не можем обсуждать развод дома, а утром вместе принимать решения по компании, как будто ничего не произошло.

— Поэтому решения будешь принимать ты.

— Я генеральный директор.

— А я владелица сорока процентов.

— Владелица, а не директор.

Лидия закрыла глаза на мгновение. Не от усталости — ей нужно было удержать в памяти это разделение. Двадцать пять лет Виктор говорил «наша компания». Сегодня появилась точная граница: он управлял, она владела долей. Доля могла приносить дивиденды, но не давала права входить в кабинет, руководить командой или видеть документы, не предназначенные участнику общества.

— Кто войдёт в архитектурный совет вместо меня? — спросила она.

— Мы обсудим завтра.

— Ты уже решил.

— Есть несколько кандидатур.

— Назови.

Виктор помедлил.

— Олег Мельников временно возглавит направление.

Лидия посмотрела на него с неподдельным удивлением.

— Мельников?

— У него большой опыт.

— У него большой опыт согласовывать то, что ему дают.

— Именно сейчас компании нужен человек без личных амбиций.

— То есть человек, который не станет спорить с тобой.

— Человек, способный работать в команде.

— Он не руководил проектами такого масштаба.

— Научится.

— На действующих объектах?

— Рядом останутся сильные специалисты.

— Которыми руководила я.

Виктор нахмурился.

— Ты не заберёшь команду.

— Я ничего не сказала о команде.

— Но подумала.

— Я думаю о том, кто будет отвечать за одиннадцать проектов.

— Компания.

— Компания не подписывает чертежи. Подписывают люди.

— Ты останешься консультантом.

— Значит, всё же я понадобится.

— Не передёргивай.

— Я пытаюсь понять модель. Меня снимают с должности, но оставляют рядом, чтобы в нужный момент спросить совета. Моё имя убирают из управления, но мою ответственность сохраняют. Я не имею права работать с прежними заказчиками, зато обязана помогать компании, которая больше мне не принадлежит.

— Ты получишь деньги.

— За молчание?

Он вспыхнул.

— За работу.

— Тогда это должна быть работа, а не форма зависимости.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. В тишине гудел холодильник, за стеной прошёл лифт. Обычные звуки дома продолжали существовать так, словно здесь всё ещё жили прежние супруги, спорившие из-за сроков и подрядчиков.

— Что ты собираешься делать? — спросил Виктор.

— Сегодня?

— Вообще.

— Сначала покажу документы юристу.

— Наши юристы всё подготовили корректно.

— Тем более независимая проверка не должна тебя тревожить.

— К кому ты пойдёшь?

— Это не относится к тебе.

— Относится, если речь идёт о компании.

— Речь идёт о моей доле.

— В нашей компании.

— Пока нашей.

Его лицо стало жёстче.

— Не пытайся превратить развод в корпоративную войну.

— Я не начинала её.

— Никто не воюет. Я предлагаю цивилизованный выход.

— Цивилизованный для кого?

— Для всех. Ты получаешь имущество, деньги, статус. Я сохраняю управление компанией. Мы избегаем публичного скандала.

Лидия остановилась на последней фразе.

— Публичного скандала?

— Не делай вид, что не понимаешь. Журналисты любят такие истории. Измена, молодая женщина, семейный бизнес. Если это попадёт в прессу, пострадает компания.

— Поэтому я должна отказаться от доли?

— Поэтому нам нужно договориться спокойно.

— И быстро.

— Желательно.

— До того, как кто-нибудь задаст вопрос об авторстве проектов.

Виктор встал.

— Ты опять об этом.

— Потому что это единственная часть соглашения, которая не имеет прямого отношения к разводу.

— Она имеет отношение к бизнесу.

— Именно.

Лидия взяла телефон и начала фотографировать страницы.

Виктор сразу подошёл ближе.

— Зачем?

— Для юриста.

— Я могу прислать электронную версию.

— Пришли.

Она продолжила снимать документы, следя, чтобы в кадр попадали номера страниц и подписи внизу.

— Не нужно фотографировать приложения, — сказал он. — Там внутренние сведения компании.

— Я участник общества.

— Пока.

Лидия подняла на него глаза.

— Повтори.

Он замолчал.

— Что именно?

— Последнее слово.

— Я имел в виду, пока мы не договорились о продаже.

— Мы не договорились.

— Поэтому я и сказал «пока».

Она сфотографировала последний лист и убрала телефон.

— Тогда до момента сделки я остаюсь участником с теми же правами, что и вчера.

— Никто их не нарушает.

— Внеочередное собрание назначено без уведомления.

— Уведомление отправлено на корпоративную почту.

Лидия посмотрела на часы. Телефон лежал рядом. Она открыла почтовое приложение и увидела письмо, пришедшее в двадцать три сорок семь.

Тема: «Уведомление о внеочередном общем собрании участников».

— За тринадцать минут до полуночи, — сказала она.

— Срок установлен уставом.

— Уставом установлен иной срок.

— В случае срочной необходимости он может быть сокращён.

— По единогласному решению участников.

Виктор ничего не ответил.

Лидия открыла вложение. Собрание назначалось на девять утра. Повестка включала изменение структуры управления, досрочное прекращение её полномочий как руководителя архитектурного направления и назначение Олега Мельникова.

Ни слова о разводе.

Ни слова о временной мере.

Решение было подготовлено как постоянное.

— Ты давно это планировал? — спросила она.

— Мы уже обсуждали необходимость обновления структуры.

— Мы обсуждали расширение совета. Не моё увольнение.

— Ситуация изменилась.

— Три недели назад?

Виктор взял стакан воды, но не выпил.

— Я должен был обеспечить устойчивость компании.

— От чего?

- От личного конфликта.
- Который ещё не возник.
- Я знал, что он возникнет.
- Потому что уже принял решение.
- Да.

Это «да» прозвучало почти с облегчением. Ему надоело скрывать заранее подготовленную жизнь.

Лидия снова посмотрела на дату договора. Три недели назад она была в Казани, где два дня подряд убеждала заказчика не расторгать контракт из-за задержек со стороны подрядчика. Виктор звонил ей вечером, спрашивал, поела ли она, и просил привезти документы для нового тендера.

- В те же дни его юристы готовили её уход.
- Кто ещё знает? — спросила она.
 - О чём?
 - О разводе. О собрании. О моём отстранении.
 - Юристы. Финансовый директор.
 - Алиса?

Он вздохнул.

- Она знает, что мы собираемся развестись.
- Руководители проектов?
- Нет.
- Мельников?
- Ему сказали, что возможны изменения.
- Совет партнёров?
- Лида, это закрытая информация.
- Для меня?
- До официального решения — для всех.

Она едва заметно кивнула. Это было разумно с точки зрения управления. Именно поэтому особенно страшно. Виктор действовал не как растерянный муж, влюбившийся в молодую женщину, а как генеральный директор, заранее готовящий смену руководителя подразделения.

Измена была лишь одной частью проекта.

— Я дам ответ после оценки компании, — сказала Лидия. — И после консультации с юристом.

- Какой ответ?
- По всем пунктам.
- Завтра собрание.
- Я приду.
- Это ничего не изменит. У меня контрольный пакет.
- Тогда зачем тебе моё присутствие?
- Процедура.
- Разумеется.

Виктор посмотрел на закрытую папку.

— Ты можешь сохранить долю, — сказал он после паузы. — Я не заставляю тебя продавать.

Лидия ждала продолжения.

— Но ты должна понимать, — добавил он, — что без должности, кабинета и команды она быстро превратится в бесполезную бумагу. Дивиденды зависят от решения компании. Инфор-

мация будет предоставляться в пределах закона. На оперативное управление ты влиять не сможешь.

Он говорил спокойно. Почти доброжелательно. Так объясняют человеку, что сопротивление невыгодно и разумнее принять предложенные условия.

Лидия вспомнила ранние годы бюро. Комнату в полуподвальном помещении, где зимой мёрзли руки. Первый большой конкурс, для которого они ночами клеили макет. Виктор тогда говорил, что без неё никогда не решился бы подать заявку. Потом появились сотрудники, проекты, офис со стеклянными стенами, международные публикации. И каждый новый этаж их общей жизни будто отдалял фундамент от фасада, пока Виктор не решил, что основание больше не видно и потому не существует.

— Тогда посмотрим, сколько стоит эта бумага, — сказала Лидия.

Он не сразу понял, что разговор закончен.

— Я надеюсь, утром ты будешь рассуждать спокойнее.

— Я спокойна.

— Именно это и пугает.

Виктор взял статуэтку и вышел из кухни.

Лидия осталась одна.

Она слышала, как он прошёл по коридору, открыл дверь кабинета и поставил награду на полку. Потом зашумела вода в ванной. Дом снова начал поглощать происходящее, превращать его в бытовые звуки.

Лидия разложила документы по порядку.

Теперь она видела их иначе.

Сначала Виктор лишал её должности. Без должности она теряла ежедневный доступ к проектам и переставала быть человеком, к которому обращались заказчики и сотрудники. Затем новый руководитель постепенно занимал её место в официальной переписке и презентациях. Алиса меняла публичный образ бюро. Через несколько месяцев Лидия выглядела бы не совладелицей и главным архитектором, а бывшей женой, сохранившей долю из обиды.

Дивиденды можно было не выплачивать, ссылаясь на развитие компании.

Информацию можно было выдавать в минимальном объёме.

Собрания можно было проводить формально.

Ей не запрещали оставаться собственницей. Ей предлагали превратиться в неудобного, беспомощного миноритария, которого со временем сама жизнь заставит принять любую цену.

Виктор не собирался отнимать её долю.

Он собирался лишить её всего, что делало эту долю живой: кабинета, команды, голоса, доступа к работе, привычного места в профессии.

А затем ждать.

Ждать, пока одиночество станет дороже денег.

Пока заказчики привыкнут звонить другим.

Пока сотрудники перестанут спрашивать её мнения.

Пока фамилия Сафронов окончательно отделится от женщины, которая носила её двадцать пять лет.

Только тогда он снова положит перед ней договор.

И цена будет ещё ниже.

Лидия взяла синюю записную книжку и под прежними строками написала ещё одну:

Цель — не купить долю. Цель — сначала обесценить владельца.

Она посмотрела на фразу, потом медленно закрыла книжку.

Проект был продуман хорошо.

Но Виктор допустил ошибку, которую совершал всякий человек, слишком долго привыкший к чужой незаметной работе.

Он решил, что если фундамент не виден, значит, он не способен сопротивляться.

Глава 3. Несущие стены

Марина Власова принимала клиентов в старом доходном доме на Чистых прудах, где тяжёлые дубовые двери закрывались с таким звуком, будто за ними оставалась не лестничная площадка, а целая эпоха. Кабинет её находился на третьем этаже. Узкий коридор пах кофе, бумагой и чем-то аптечным; на стенах висели литографии с видами дореволюционной Москвы, а в приёмной стояли два кожаных кресла, давно утратившие первоначальный блеск, но сохранившие достоинство хорошей вещи.

Лидия приехала без пяти восемь.

Ночью она почти не спала. Когда Виктор ушёл в кабинет, она ещё два часа перечитывала соглашение, затем собрала в отдельную папку устав компании, выписки по доле, несколько старых протоколов и копию брачного договора, заключённого двадцать лет назад по требованию банка. В четыре утра Лидия легла, но так и не закрыла глаз. Она слушала, как за стеной открывается дверь, как Виктор проходит по коридору и как в половине шестого уезжает из дома.

К семи он уже прислал ей короткое сообщение:

«Собрание в девять. Надеюсь на благоразумие».

Лидия не ответила.

Марина вошла в приёмную ровно в восемь. Ей было около пятидесяти пяти, она носила короткую стрижку, строгие тёмные костюмы и очки в тонкой металлической оправе. Когда-то именно она регистрировала «Сафронов и партнёры», составляла первый устав и объясняла двум молодым архитекторам, почему дружба, любовь и общая работа не отменяют необходимости заранее договориться о долях.

Тогда Виктор смеялся и говорил, что они собираются строить дома, а не делить имущество.

Марина не смеялась.

— Лидия Андреевна, — сказала она, открывая дверь кабинета. — Проходите.

Лидия положила папку на стол.

— Я пришла не как представитель компании.

— Я поняла.

— Вы можете консультировать меня лично?

Марина сняла очки и несколько секунд смотрела на неё.

— По старым вопросам компании у меня есть ограничения, — ответила юрист. — Я не могу использовать конфиденциальные сведения, полученные от бюро. Но могу объяснить ваши права как участника общества, сотрудника и автора. Если дело дойдёт до спора, вам понадобится отдельная фирма без прежних связей с Виктором Павловичем.

— Мне пока нужен человек, который скажет, где заканчивается брак и начинается попытка забрать бизнес.

Марина надела очки.

— Тогда показывайте.

Она читала быстро, но не торопливо. На некоторых страницах делала пометки карандашом, несколько раз возвращалась к приложениям, потом попросила Лидию открыть письмо о собрании.

— Уведомили поздно, — сказала Марина.

— Вчера без тринадцати двенадцать.

— Формально Виктор может сослаться на срочность. Но если устав требует единогласного согласия на сокращённый срок, решение можно оспаривать.

— Есть смысл?

— Зависит от цели. Если вы хотите сохранить должность любой ценой, можно попытаться затянуть процедуру. Но контрольный пакет у Виктора Павловича. Он проведёт новое собрание с соблюдением срока и примет то же решение.

Лидия кивнула.

— Значит, остановить его я не смогу.

— От должности — нет. От собственности — да.

Марина перевернула несколько страниц.

— Он может освободить вас от должности руководителя архитектурного направления, если она не закреплена отдельным корпоративным соглашением. Может назначить другого человека. Может ограничить доступ к внутренним системам в рамках ваших новых полномочий. Но лишить вас сорока процентов компании без сделки, решения суда или предусмотренного законом основания он не может.

— А дивиденды?

— Их распределение зависит от решения участников и финансового результата. При шестидесяти процентах Виктор сможет голосовать за то, чтобы прибыль оставалась в компании. Но выводить активы, занижать стоимость, заключать заведомо невыгодные сделки или переводить бизнес на другую структуру без последствий ему будет сложнее. Особенно если вы заранее начнёте фиксировать происходящее.

— То есть доля не бесполезна.

— Ни в коем случае. Она неудобна. Это другое.

Лидия посмотрела на собственные руки. На безымянном пальце оставалось кольцо. Снять его ночью она не решилась — не из надежды, а потому что не хотела превращать жест в событие. Теперь золотой ободок казался частью чужого костюма.

— Он рассчитывает, что я устану, — сказала она.

— Конечно, — ответила Марина. — Миноритарного владельца редко ломают одним решением. Его изолируют, лишают привычного влияния, затягивают доступ к информации, заставляют тратить время и деньги. Потом предлагают цену, которая уже кажется избавлением.

— Именно это я и поняла.

— Хорошо, что поняли сейчас.

Марина постучала карандашом по пункту об авторских правах.

— Вот это серьёзное.

— Я не могу отказаться от авторства?

— Авторство как личное неимущественное право не отчуждается. Вы не можете подписать бумагу и перестать быть автором того, что создали. Но можете передать исключительные права на использование материалов и обязаться не заявлять отдельные требования. Формулировка здесь намеренно широкая. Если вы подпишете её в таком виде, компания получит возможность трактовать почти любую вашу старую работу как служебное произведение, которым вы не вправе пользоваться самостоятельно.

— Даже в портфолио?

— Спорный вопрос. А спорные вопросы дорого стоят.

Лидия вспомнила презентации последних лет. На обложке всегда стояло название бюро. Внутри указывались команда, руководители, инженеры. Иногда её фамилия была первой, иногда второй, иногда исчезала совсем, если Алиса решала, что длинный список перегружает слайд.

— Большинство концепций создавались в рабочем порядке, — сказала Лидия. — Мы не подписывали отдельный документ на каждую идею.

— А переписка?

— Есть.

— История изменений?

— Есть.

— Протоколы архитектурного совета?

— Не всегда полные.

— Электронные подписи?

— На рабочей документации.

— Эскизы?

— В системе. Часть на моём служебном компьютере.

Марина отложила карандаш.

— Тогда ваша задача сегодня — ничего не красть и ничего не уничтожать.

Лидия подняла глаза.

— Я и не собиралась.

— Я знаю. Но именно это вам могут потом приписать. Нельзя скачивать клиентскую базу, коммерческие предложения, финансовые модели, чужую переписку и материалы проектов, к которым вы не имели отношения. Нельзя пересылать архив на личную почту. Нельзя выносить оригиналы.

— А что можно?

— Официально запросить документы, подтверждающие ваши права. Копии трудового договора, должностных инструкций, приказов, протоколов, где вы указаны как руководитель. Перечень проектов с вашей подписью. Историю правок по тем материалам, автором или соавтором которых вы являетесь. Служебную переписку, необходимую для подтверждения вклада, — через юридический запрос, а не тайным копированием.

— Они могут отказать.

— Могут тянуть. Поэтому запрос должен уйти сегодня. От вашего имени как участника общества и отдельно как сотрудника.

Марина подтянула к себе чистый лист.

— Кроме того, нужна независимая оценка компании.

— Виктор сказал, что это займёт месяцы.

— Возможно. Но цена вашей доли не должна определяться человеком, который её покупает.

— Кто может провести оценку?

— Я дам три контакта. Выберите сами. Ни один не связан с бюро.

Лидия помолчала.

— Марина Сергеевна, — сказала она, — а если большая часть моего вклада существует только потому, что все знали: в спорной ситуации последнее решение принимаю я?

— Тогда придётся собирать следы.

— Следы?

— Работа редко исчезает бесследно. Кто назначал совещания? Кто давал задания инженерам? Кто согласовывал изменения? Кто писал заказчику, что решение Виктора нельзя реализовать без усиления конструкции? Кто подписывал акт авторского надзора? Кто исправлял презентацию в два часа ночи?

Лидия слабо улыбнулась.

— Последнее доказать будет трудно.

— Не труднее, чем всё остальное. Люди любят думать, что неформальная власть не оставляет документов. На самом деле она оставляет больше всего документов, потому что к человеку постоянно обращаются.

Марина раскрыла приложение с проектом решения участников.

— В девять вас снимут с должности.

— Да.

— Вы можете проголосовать против и потребовать внести возражения в протокол. Не устраивайте сцен. Не блокируйте работу компании, если не хотите, чтобы вас представили обиженной женой, ставящей личное выше бизнеса.

— Я не хочу.

— Предложите переходный период.

— Сколько?

— Десять рабочих дней. По отдельному договору. Чёткий объём: передача текущего состояния проектов, разъяснение рисков, участие в совещаниях. Отдельная оплата.

— Он скажет, что я обязана передать дела бесплатно.

— Часть действительно обязаны. То, что уже оформлено и находится в вашем ведении, вы передаёте в рамках трудовых отношений. Но консультации после прекращения полномочий, исправление чужих решений и сопровождение нового руководителя — это новая работа.

Лидия кивнула.

— Если он откажется?

— Подписываете акт только по фактическому состоянию. Перечисляете, что передано, что не завершено и какие риски остаются. Отзываете доверенности и право использовать вашу электронную подпись. После этого ни одно изменение не должно оформляться вашим именем.

— Он воспримет это как угрозу.

— Это не угроза. Это граница ответственности.

Марина закрыла папку.

— И ещё одно.

— Да?

— Не пытайтесь сегодня доказать Виктору, что без вас всё рухнет.

Лидия нахмурилась.

— Я не собиралась.

— Собирались. Может быть, не словами. Но вы хотите оставить ему идеальный перечень, предупредить обо всех опасностях, объяснить Мельникову каждый проект и убедиться, что ни один заказчик не пострадает.

Лидия отвела взгляд.

— Там работают люди.

— Именно на это Виктор и рассчитывает.

— Я не могу бросить объекты.

— Вы и не бросаете. Вы фиксируете состояние и предлагаете оплачиваемый переходный период. Но если вам отказывают, вы не обязаны продолжать исполнять прежнюю роль из чувства ответственности за всех.

Марина говорила спокойно, без нажима, и всё же каждое слово ложилось тяжело.

Лидия привыкла думать, что незаменимых нет. Она сама говорила это молодым сотрудникам, когда кто-нибудь заболел перед сдачей или боялся уйти в отпуск. Система должна работать без одного человека. Хороший руководитель не превращает знания в тайну.

Теперь система намеренно избавлялась от неё и одновременно рассчитывала сохранить всё, что она держала на своих плечах.

— Я поняла, — сказала Лидия.

— Нет, — возразила Марина. — Пока только слышали.

Она протянула ей лист с тремя фамилиями оценщиков и номером юридической фирмы, готовой принять дело.

— После собрания позвоните мне. Что бы там ни произошло, ничего не подписывайте без проверки.

— Даже акт передачи?

— Читайте каждое слово.

Лидия поднялась.

У двери Марина окликнула её:

— Лидия Андреевна.

Она обернулась.

— Вы не обязаны сегодня быть великодушной.

— Я постараюсь быть точной.

— Для начала этого достаточно.

Офис «Сафронов и партнёры» занимал два верхних этажа нового делового центра на набережной. Когда-то Виктор выбрал это место из-за вида на реку и стеклянного фасада, в котором город отражался широкой светлой полосой. Лидия возражала: летом помещения перегревались, зимой сотрудники жаловались на холод у окон, а открытые пространства плохо подходили для сосредоточенной работы. В итоге она настояла на дополнительных экранах, тихих комнатах и отдельной системе вентиляции.

Впоследствии Виктор рассказывал журналистам, что офис спроектирован по его принципу «прозрачность как форма доверия».

Лидия вошла в холл без восьми девять.

Обычно охранник здоровался с ней первым. Сегодня он поднялся слишком поспешно, словно заранее получил указание быть особенно вежливым.

— Доброе утро, Лидия Андреевна.

— Доброе, Сергей.

Её пропуск сработал.

На верхнем этаже уже горел свет в переговорной. За стеклянной стеной Лидия увидела Виктора, финансового директора Елену Григорьевну и Олега Мельникова. Алиса стояла у экрана и что-то показывала на планшете. Формально к собранию участников она отношения не имела.

Когда Лидия вошла, разговор оборвался.

— Доброе утро, — сказала она.

— Лида, — отозвался Виктор. — Проходи.

Он был в тёмно-сером костюме и выглядел так, будто провёл ночь не в соседней комнате разрушенного брака, а в гостинице перед важными переговорами. На столе перед ним лежали папки, бутылки воды и распечатанная повестка.

Олег Мельников встал.

— Лидия Андреевна.

Ему было сорок два. Высокий, сутуловатый, с мягкими чертами лица, он много лет руководил группой архитекторов и прекрасно исполнял ясные задания. В сложных ситуациях Олег приходил к Лидии, садился напротив и долго объяснял, почему лучше ничего не менять без окончательного решения.

Теперь он должен был принимать эти решения сам.

— Олег, — сказала Лидия.

Он не выдержал её взгляда и снова сел.

— Алиса, оставь нас, пожалуйста, — произнёс Виктор.

Алиса закрыла планшет.

— Конечно.

Проходя мимо Лидии, она едва заметно замедлилась, но ничего не сказала. На ней был светлый брючный костюм, волосы собраны, лицо почти без макияжа. После вчерашнего вечернего платья эта деловая строгость выглядела особенно тщательно рассчитанной.

Дверь закрылась.

Елена Григорьевна включила диктофон и сообщила дату, время, состав участников и повестку. Лидия сразу потребовала внести в протокол возражение против сокращённого срока уведомления.

— Лидя, — сказал Виктор, — мы уже обсуждали срочность.

— Дома. Без протокола.

Елена Григорьевна посмотрела на генерального директора.

— Внести?

— Внесите, — сухо ответил Виктор.

Первым вопросом шло изменение структуры управления. На экране появилась новая схема: генеральный директор, под ним архитектурный совет, технический директор, коммерческий блок и коммуникации. Должность руководителя архитектурного направления исчезала. Её функции распределялись между Олегом Мельниковым и самим Виктором.

— Это временная схема? — спросила Лидия.

— На переходный период, — ответил Виктор.

— Срок указан?

— Нет.

— Значит, постоянная до следующего решения.

— Любая структура действует до следующего решения.

— Прошу внести мой вопрос и ответ в протокол.

Елена Григорьевна послушно записала.

Виктор начал объяснять необходимость обновления управления. Он говорил о росте компании, новых задачах, разделении творческого и технического блоков. Лидия слушала и с удивлением замечала, как легко знакомые слова складываются в совершенно иную историю. Её не увольняли из-за развода. Компания созрела для реформы. Её должность не отбирали. Функции становились современнее. Олег не заменял её. Он возглавлял новый коллегиальный орган.

— Кто будет главным архитектором по действующим проектам? — спросила Лидия.

— Назначим по каждому отдельно, — ответил Виктор.

— Сегодня?

— В ближайшие дни.

— До назначения кто несёт ответственность?

— Компания.

Лидия посмотрела на него.

— Я повторю вопрос. Какое физическое лицо будет подписывать документы?

Виктор сжал губы.

— Олег.

Мельников поднял голову.

— По мере передачи дел, — поспешно уточнил он.

— Передачи каких именно дел? — спросила Лидия.

— Всех действующих проектов, — сказал Виктор.

— У нас одиннадцать объектов на разных стадиях. По четырём идёт строительство, по трём экспертиза, два находятся на стадии рабочей документации, ещё два — в переговорах с заказчиками. Передать их одним решением невозможно.

— Поэтому ты подготовишь материалы.

— В какой срок?

— Неделя.

Лидия открыла принесённую папку.

— Я предлагаю десять рабочих дней переходного периода по отдельному договору. За это время я передам статус каждого проекта, проведу совещания с новым руководителем, перечислю критические риски и отвечу на вопросы по ранее принятым решениям.

Виктор посмотрел на неё настороженно.

— Ты и так обязана передать дела.

— Я обязана передать документы и текущее состояние работы. Обучать нового руководителя, участвовать после прекращения полномочий в совещаниях и консультировать по проектам я могу по отдельному соглашению.

— Это мелочность.

— Это работа.

— Ты собираешься выставить счёт собственной компании?

— После прекращения должности — да.

— У тебя сорок процентов.

— Именно поэтому я заинтересована, чтобы передача прошла правильно.

Олег неловко поправил ручку.

— Может быть, не стоит сейчас обсуждать деньги, — сказал он. — Мы всегда могли договориться.

Лидия повернулась к нему.

— Олег, вы готовы сегодня принять ответственность за все одиннадцать проектов?

Он побледнел.

— Я должен сначала ознакомиться.

— Сколько времени вам нужно?

— Не знаю. По каждому по-разному.

— Поэтому я и предлагаю переходный период.

Виктор постучал пальцами по столу.

— Компания не будет платить тебе за исполнение прямых обязанностей.

— После увольнения с должности они перестанут быть прямыми.

— Мы не увольняем тебя из компании.

— На какой должности я остаюсь?

Виктор задержался с ответом.

— Советником генерального директора.

— Такой должности нет в штатном расписании.

— Введём.

— Полномочия?

— Обсудим отдельно.

— Оплата?

— Тоже.

— Тогда сейчас такой должности не существует.

В комнате стало тихо.

Елена Григорьевна перестала писать и ждала.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Поставим вопрос на голосование.

Он проголосовал своими шестьюдесятью процентами за новую структуру и прекращение полномочий Лидии как руководителя архитектурного направления. Она проголосовала против и потребовала приложить письменные возражения.

Решение было принято.

Ничего внешне не изменилось. За стеклом сотрудники ходили между столами, звонили телефоны, на большом экране в общем зале вращалась модель нового жилого квартала. Но Лидия почувствовала странную пустоту, будто из комнаты вынесли предмет, который стоял там слишком долго и успел оставить светлый след на стене.

— Переходим к передаче дел, — сказал Виктор.

Лидия достала подготовленный перечень.

— Здесь все действующие объекты. По каждому указаны стадии, ответственные сотрудники, ближайшие сроки и нерешённые вопросы.

Она передала копии Олегу и Елене Григорьевне.

Олег начал читать.

— По «Ориону» у нас несогласованная замена фасадной системы, — сказала Лидия. — Подрядчик предлагает более дешёвый вариант. Я возражала. Письмо приложено. По музею остаётся расхождение между моделью и расчётом пожарных отсеков. По жилому комплексу на Нагорной не подписан протокол с городом. По библиотеке нужно закрыть замечания реставрационного надзора.

— Всё это можно было обсудить в рабочем порядке, — перебил Виктор.

— Я и предлагаю рабочий порядок.

— Без отдельного договора.

Лидия посмотрела на него.

— Нет.

— Тогда передавай документы и освобождай кабинет.

Олег поднял глаза.

— Виктор Павлович, может быть, всё-таки стоит дать хотя бы несколько дней?

— Документы у нас есть, — ответил Виктор. — Сотрудники на месте. Никто незаменимым не является.

Лидия услышала собственную фразу, многократно произнесённую в другом смысле.

Она медленно кивнула.

— Хорошо.

Из папки она вынула акт передачи. Марина успела прислать шаблон по электронной почте, и Лидия заполнила его в машине.

— Я передаю перечень завершённых и находящихся в работе материалов по состоянию на сегодняшнее утро, — сказала она. — Передача не означает согласования последующих изменений и принятия ответственности за решения, которые будут приняты после прекращения моих полномочий.

Виктор пролистал документ.

— Здесь слишком много оговорок.

— Они отражают фактическое положение.

— Убери пункт о несогласованных изменениях.

— Нет.

— Почему?

— Потому что по трём объектам предлагаются решения, против которых я возражала письменно. Если новый руководитель их утвердит, ответственность должна быть его.

— Ты всё ещё сотрудник компании.

— Но уже не руководитель направления и не главный архитектор новых версий.

Виктор бросил лист на стол.

— Тогда я не подпишу.

— Не подписывай. Я направлю акт официально через канцелярию и электронную систему.

— Ты намеренно создаёшь конфликт.

— Я фиксирую границы.

— Ты могла бы хотя бы сегодня не вести себя как юрист.

— Сегодня юристы подготовили моё увольнение.

Елена Григорьевна тихо кашлянула.

Олег сидел, опустив голову.

Лидия собрала свои бумаги.

— Кроме акта, я направляю уведомление об отзыве права использовать мою электронную подпись и сертификат согласования. С одиннадцати часов все документы, подписанные моим именем без моего личного подтверждения, будут считаться оформленными без разрешения.

Виктор резко поднялся.

— Ты не можешь просто отключить подпись.

— Могу. Сертификат оформлен на меня.

— Это остановит процессы.

— Только те, которые вы собирались продолжать от моего имени.

— Никто не собирался.

— Тогда ничего не остановится.

Он стоял напротив неё, упираясь ладонями в стол. Впервые за утро его спокойствие исчезло.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Да.

— Заказчики ждут документы.

— Новый руководитель подпишет их после изучения.

Олег поднял голову.

— Не все сразу, — сказал он. — Мне действительно нужно время.

Виктор повернулся к нему:

— Ты получишь всю информацию.

— От кого? — спросил Олег.

Ответа не последовало.

Лидия сложила ручку в сумку.

— Моё предложение о десятидневном переходном периоде остаётся в силе до конца дня.

Условия направлю письменно. Если компания откажется, дальнейшие консультации возможны только по отдельным запросам.

— Ты шантажируешь нас, — сказал Виктор.

— Нет. Шантажом было предложение превратить мою долю в бесполезную бумагу.

Елена Григорьевна выключила диктофон. Собрание закончилось, но никто не встал.

За стеклянной стеной уже начали собираться сотрудники. Новость, видимо, распространилась быстрее официального письма. Люди подходили к переговорной, останавливались, делали вид, что рассматривают экран или ждут лифт.

Лидия первой открыла дверь.

В общем зале стало непривычно тихо.

Она увидела лица тех, с кем работала много лет: руководителей групп, инженеров, молодых архитекторов, секретарей. Кто-то смотрел прямо, кто-то отводил глаза. Алиса стояла у своего кабинета, скрестив руки на груди.

— Коллеги, — сказал Виктор, выходя следом, — через несколько минут я разошлю официальное сообщение об изменениях в структуре.

Лидия не дала ему продолжить.

— Олег Мельников назначен исполняющим обязанности руководителя архитектурного блока, — сказала она. — Все текущие вопросы с этого момента направляйте ему и Виктору Павловичу. Перечень проектов передан.

В толпе кто-то спросил:

— Лидия Андреевна, вы уходите?

Она узнала голос Антона, молодого визуализатора.

— Я больше не руковожу направлением.

— А проекты?

— По каждому будет назначен ответственный.

Николай Евгеньевич, главный инженер, подошёл ближе.

— А вы останетесь в бюро?

Лидия посмотрела на Виктора. Он ждал её ответа.

— Этот вопрос пока не решён, — сказала она.

Она не стала произносить речи. Не обвинила мужа, не рассказала о разводе, не предложила сотрудникам выбирать сторону. Вместо этого направилась в свой кабинет.

Стеклянные стены не скрывали ничего, и всё же никто не вошёл следом.

Кабинет был небольшим. Большой стол, два кресла, шкаф с образцами материалов, макеты на полках. На стене висела фотография первого построенного ими дома. Виктор стоял перед фасадом в слишком широком пиджаке, Лидия рядом держала рулон чертежей. Им было по двадцать пять, и оба казались уверенными, что впереди находится неограниченное пространство.

Лидия сняла фотографию.

Потом остановилась и поставила её обратно.

Она не собиралась уносить историю из офиса тайком.

С личными вещами оказалось проще. Очки для чтения, чашка, запасные туфли, крем для рук, два каталога, подаренная дочерью ручка. Всё поместилось в одну картонную коробку.

Компьютер она не выключала сразу.

Сначала открыла электронную систему проектов и проверила, что запросы юриста зарегистрированы. Затем создала официальный перечень материалов, автором или соавтором которых являлась, и направила его в юридический отдел. К письму приложила требование предоставить заверенные копии истории правок, протоколов и документов с её подписью.

После этого она открыла настройки сертификата и отозвала электронное согласование.

На экране появилось предупреждение:

«После подтверждения действие невозможно отменить без выпуска нового сертификата».

Лидия нажала «Подтвердить».

Система запросила пароль.

Она ввела его.

Несколько секунд ничего не происходило, затем рядом с её именем появилась красная отметка: «Сертификат отозван».

В дверях стоял Виктор.

— Значит, всё-таки сделала, — сказал он.

— Я предупреждала.

— Ты могла подождать до вечера.

— Зачем?

— Чтобы мы успели переоформить доступ.

— Оформляйте.

Он вошёл и закрыл дверь.

— Лида, сейчас ещё можно остановиться.

— Где?

— Не превращать всё в разрушение.

— Я ничего не разрушаю.

— Ты знаешь, сколько процессов завязано на тебе.

— Теперь знаешь и ты.

— Это и есть твоя месть?

Она посмотрела на него.

— Если бы я хотела мести, я бы оставила подпись активной и позволила вам несколько месяцев оформлять решения моим именем. Потом выбрала бы самый неудачный момент и заявила, что ничего не согласовывала.

Виктор промолчал.

— Я сделала ровно то, что должна была сделать, — продолжила Лидия. — Сняла с себя ответственность после того, как ты снял меня с должности.

— Мы могли бы действовать мягче.

— Могли. Три недели назад.

Он опустил взгляд на коробку.

— Ты забираешь вещи?

— Личные.

— Значит, решение уже принято.

— Решение принял ты.

— Я предложил тебе остаться консультантом.

— Без договора.

— Его можно подготовить.

— Подготовьте. Я посмотрю.

Виктор подошёл к окну. За его спиной отражался офис: длинные ряды столов, люди, стеклянные перегородки, макеты будущих зданий. Лидия вдруг увидела, насколько точно пространство соответствует его представлению о власти. Здесь всё было на виду, но никто не знал, что происходит за соседней стеной.

— Ты действительно пойдёшь к независимому оценщику? — спросил он.

— Да.

— Это обойдётся дорого.

— У меня есть деньги.

— Зачем тратить их на очевидное?

— Чтобы очевидное оказалось записано не твоими юристами.

Он повернулся.

— Ты думаешь, я хочу тебя обмануть?

Лидия долго смотрела на него.

— Я думаю, ты уже решил, сколько стоит моя жизнь без тебя.

Виктор ничего не сказал.

Она взяла коробку.

— Лидия.

— Да?

— Сегодня вечером нам всё равно придётся вернуться домой.

— Не обязательно в одно время.

Она вышла.

В общем зале разговоры снова стихли. Николай Евгеньевич подошёл и молча забрал у неё коробку.

— Я донесу, — сказал он.

— Не нужно.

— Лидия Андреевна, — повторил он, и в его голосе было то упрямство, которое она привыкла уважать.

Она позволила.

У лифта их догнал Олег.

— Подождите.

Николай Евгеньевич отошёл на несколько шагов.

Олег выглядел растерянным.

— Я не просил Виктора Павловича назначать меня, — сказал он.

— Верю.

— Я думал, вы останетесь. Что это будет формальное разделение обязанностей.

— Теперь вы знаете.

— Я не справлюсь за неделю.

— Поэтому я предложила десять дней.

— Он не согласится платить.

— Это его решение.

Олег понизил голос:

— А если я буду звонить вам неофициально?

Лидия посмотрела на него почти с жалостью.

— Тогда всё останется как прежде. Решения буду принимать я, должность займёте вы, а ответственность растворится между нами.

Он покраснел.

— Я не это имел в виду.

— Именно это.

Двери лифта открылись.

— Лидия Андреевна, — сказал Олег, — что мне делать с «Орионом»?

Она вошла в кабину.

— Сначала прочитайте моё письмо от четырнадцатого числа. Потом потребовать повторный расчёт фасадной системы. И ничего не подписывать, пока не поймёте, за что отвечаете.

— А если Виктор Павлович будет настаивать?

— Теперь это ваш проект, Олег.

Двери закрылись.

В лифте Николай Евгеньевич держал коробку обеими руками. Он не задавал вопросов, и Лидия была ему за это благодарна.

На первом этаже он поставил коробку в её машину.

— Вы вернётесь? — спросил он.

— Не знаю.

— Без вас там будет плохо.

— Может быть.

— Это всё из-за этой девицы?

Лидия посмотрела на стеклянный фасад здания. На двадцать втором этаже за окнами двигались маленькие фигуры.

— Нет, Николай Евгеньевич, — сказала она. — Из-за конструкции.

Он не понял, но переспрашивать не стал.

Лидия села за руль и положила телефон на соседнее сиденье. На экране было несколько пропущенных звонков от сотрудников, письмо от юридической фирмы и уведомление о принятом запросе на оценку компании.

Она уже собиралась завести машину, когда пришло новое сообщение.

Имя отправителя заставило её задержать руку.

Роман Карелин.

Они не общались почти три года. Последний раз он звонил после завершения делового центра, когда хотел пригласить её на открытие отдельно от Виктора. Лидия тогда отказалась: считала неправильным принимать личную благодарность за работу общего бюро.

Сообщение было коротким:

«Лидия Андреевна, слышал, в вашей компании произошли изменения. Не знаю, насколько это правда, поэтому не стану задавать вопросов. У меня есть объект, который я хотел бы обсудить именно с вами. Не с бюро. С вами лично».

Ниже стоял адрес.

Старая речная пристань.

Лидия прочитала сообщение дважды.

Потом подняла глаза на башню, где оставались её кабинет, проекты, сотрудники и двадцать пять лет работы.

Впервые за это утро перед ней была не дверь, которая закрывалась.

Перед ней возникал адрес.

Глава 4. Когда уходит фундамент

В первые три дня после ухода Лидии бюро не рухнуло.

Ни один потолок не обвалился, ни один заказчик не расторг договор, ни один сотрудник не вышел на набережную с коробкой личных вещей. Утром открывались двери, включались компьютеры, на экранах возникали привычные модели зданий. Курьеры приносили образцы материалов, секретари назначали совещания, инженеры спорили о нагрузках и сроках. Компания продолжала работать с той убедительной естественностью, с какой большой механизм ещё некоторое время движется после того, как в нём уже сломалась важная деталь.

Виктор Сафронов воспринял это как подтверждение собственной правоты.

В понедельник он собрал сотрудников в общем зале. За его спиной на экране светился новый логотип: прежние строгие буквы стали тоньше, между словами исчезло привычное «и партнёры», а под фамилией Сафронова появилась англоязычная подпись, смысл которой сводился к архитектуре будущего.

Алиса стояла рядом с экраном. На ней был белый костюм с широкими плечами, и в холод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.